

SECURITAS В «PANEGRICI LATINI»

Е.С. Данилов

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль,
explorator@list.ru

Аннотация. Коллективное сознание римлян породило множество абстрактных божеств, аллегорических существ, не имевших никакой мифологической определенности; источником их было верование, что все в мире проникнуто божественной силой; выделяя специальные качества из общего понятия об этой божественной силе, римляне получали особенные божества, служившие олицетворением отвлеченных понятий. В научной литературе бытует мнение, что аллегорические божества являлись пустыми риторическими выражениями наполовину политической, наполовину пантеистической религиозной фразеологии. Причем если первая составляющая неплохо изучена в рамках исследований по истории политической культуры, государственной идеологии и пропаганды, то вторая по многим позициям осталась вне поля зрения ученых. Фактически можно говорить о том, что абстрактные божества до сих пор не инкорпорированы в теоретическую модель реконструируемой римской религии. В подавляющем большинстве специалисты по духовной жизни античных социумов ограничиваются составлением списков божественных персонификаций или обращают внимание на десяток наиболее популярных добродетелей (Concordia, Felicitas, Honos, Iustitia, Libertas, Pax, Pietas, Providentia, Spes, Virtus), оставляя вне анализа сотни нуминов. Естественно, такой выборочный подход во многом обусловлен состоянием источниковой базы. Данная статья является частью исследовательского проекта, направленного на концептуальное обобщение сведений источников (нарративных, нумизматических, эпиграфических) о поклонении богине Securitas.

В двенадцати речах римских ораторов I–IV вв. находят свое выражение представления квиритов о безопасности. Неоднократно повторяющиеся мотивы, связанные с securitas, появляются в «Панегирике Траяну» Плиния Младшего и прослеживаются автором вплоть до литературного прославления Феодосия I ритором Пакатом Дрепанием. Среди укоренившихся топосов следует выделить следующие: принцепс оберегает обитаемый мир подобно Геркулесу; безопасность выступает как признак «золотого века» и увязывается со свободой; неприкосновенность августа покоится на любви к нему граждан; враги империи живут в постоянном страхе, так как на них не распространяется власть цезаря.

Ключевые слова: античный Рим, принципат, пропаганда, религия, панегирик, безопасность

Данилов Евгений Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

«*vita bonorum principum reipublicae quietem regi*»
(*Aur. Vict. De caes.* 42. 23)

Республиканская политическая культура античного Рима, вероятно, не имела в широком употреблении глубоко разработанных форм концепта «безопасность» (*incolumitas, salus, securitas, tutum*). С некоторой осторожностью можно сказать, что указанный термин во многом затмевался или подменялся другими абстрактными понятиями, находящимися с ним в логической связке. Судя по сочинениям Цицерона, это, в первую очередь: *concordia* (*Cic. Rep.* II. 69), *libertas* (*Cic. Rep.* I. 49), *paux* (*Cic. Clu.* 195), *pietas* (*Cic. Rep.* II. 16). Под *securitas* оратор понимал источник счастья, отсутствие «*aegritudinis*», т.е. болезни, печали, скорби (*Cic. Tusc. disput.* V. 42). Такой взгляд на безопасность сближал арпината со многими древними философами (*Plato. Lach.* 198b-c; *Arist. Rh.* 1360b15; *Sen. Ep.* XCII. 3). Салюс, богиня спасения, олицетворявшая здоровье и благополучие римлян, почиталась с глубокой древности (*Plaut. Capt.* 864, *Merc.* 867, *Mostell.* 351; *Ter. Ad.* 761, *Нес.* 338; *Cic. Font.* 21, *Verr.* II. 3. 131; *Liv.* IX. 43. 25; X. 1. 9; XL. 37. 2; *Ovid. Fast.* III. 882; *Plin. N.H.* XXXV. 19)¹. Становление же религиозного культа Секуритас и начало активного почитания безопасности как важного коллективного блага приходятся лишь на время правления династии Юлиев-Клавдиев. Императоры, конструирующие государственную идеологию, стали пропагандировать свою заботу о «*securitas publica*» через монетную чеканку и литературное творчество². Еще Октавиан Август весьма лаконично ставил себе в заслугу освобождение граждан от опасности со стороны чужеземных народов и голода (*RGDA.* III. 2, V. 2)³. Впоследствии ментальные компоненты безопасного существования квиритов будут увеличиваться, обрастать дополнительными деталями и превращаться в риторические топосы. Проследим соответствующий процесс на примере общеизвестного сборника двенадцати латинских панегириков.

«Панегирик императору Траяну» Плиния Младшего (100 г.) содержит ряд важных положений, нашедших продолжение в сочинениях похожего жанра. Например, постулируется мысль о том, что гражданин, принявший императорские полномочия, взваливает на свои плечи груз ответственности и становится у кормила общественного спасения («*publicae salutis gubernaculis admoveret*» - *Plin. Pan.* 6). Приход к власти хорошего принцепса предполагает свободу, спасение и безопасность («*qua tandem non servitus nostra, sed libertas et salus et securitas fundabatur*» - *Plin. Pan.* 8, 27, 35, 36, 55; ср. *Tac. Agr.* 3; *Dio Cass.* LXVIII. 4. 1, 5. 2, 6. 4)⁴. Наиболее концентрированным образом эта идея выражена в следующей сентенции: «Мы не просим ни мира, ни согласия, ни безопасности (*non securitatem*), ни богатств, ни почестей. Наша молитва от имени всех проста и охватывает все это, мы молимся о благополучии нашего государя (*salus principis*)» (*Plin. Pan.* 94.

¹ Подробнее см.: Cattaneo 2011, 81–124.

² Schrimm-Heins 1990, 13–22; Gottschall 1997.

³ У Светония безопасность Города и Италии – это результат деятельной заботы принцепсов (*Suet. Aug.* 28. 3, 47. 1, *Tib.* 37. 1).

⁴ *Salus* всегда предшествует *securitas*, ведь спокойствие и другие радости жизни обретаются через спасение. См. также *Front. Ad Anton. Pium* 5: *Vitae meae parte depiscisci cupio, imperator, ut te complecterer felicissimo et optatissimo initi imperii die, quem ego diem natalem salutis, dignitatis, securitatis meae existimo.*

Пер. В.С. Соколова)⁵. Нерва, мирно передавший бразды правления Траяну, обрел личную безопасность и освобождение от забот (Plin. Pan. 6, 8; ср. Dio Cass. LXVIII. 3. 1). При этом самая верная защита действующего цезаря – его нравственная чистота, добродетели, вызывающие любовь соотечественников (Plin. Pan. 2, 49, 68; ср. Dio Cass. LXVIII. 7. 3; Eutrop. VIII. 4)⁶. Что же декларативно получили римляне? Безопасно стало заниматься активной общественной деятельностью (Plin. Pan. 18, 44, 62, 66, 93), открыто выражать свое мнение (Plin. Pan. 33, 53, 66, 72, 76), пользоваться имуществом (Plin. Pan. 40, 42, 43, 50, 51)⁷. Лишились безопасности только преступники и доносчики (Plin. Pan. 34; ср. SHA. Commod. XVIII. 15-16). Император надежно поддерживает обороноспособность государства и обеспечивает спокойствие на границах (Plin. Pan. 56; ср. Dio Cass. LXVIII. 14. 1; Aur. Vict. De caes. XIII. 3)⁸.

Второй по хронологии анонимный панегирик был создан почти через два столетия после хвалебной речи Плиния (289 г.) и посвящен августу Максимиану. Здесь подчеркивается готовность соправителя Диоклетиана заботиться о государстве (Pan. Lat. X. 3. 3), постоянно думать о всеобщем благополучии («*omnium salute*» – Pan. Lat. X. 3. 4). Ниже используется распространенная метафора, где империя уподобляется кораблю, а правитель – кормчему, протянувшему к рулю свою спасительную руку («*salutarem manum*» – Pan. Lat. X. 4. 2). Говорится также о том, что Рейн некогда способствовал безопасности римлян («*securitate nostra*»), отгораживая державу от диких племен (Pan. Lat. X. 7. 4). Как Диоклетиан защитил от персов Сирию, объятую Евфратом, так и Максимиан сберег Галлию, покорив германцев (Pan. Lat. X. 7. 5; ср. Aur. Vict. De caes. XXXIX. 19)⁹. Максимиан имел прозвище Геркулий, в честь сына Зевса (Aur. Vict. De caes. XXXIX. 18), что также обыгрывает автор панегирика. «Такова судьба рода Геркулеса, – пишет он, – твоей доблести обязано все то, что ты оберегаешь. И именно поэтому мы безмятежны (*soluta animo*) и свободны от всех забот» (Pan. Lat. X. 7. 6. Здесь и далее пер. И.Ю. Шабаги). Принцепс словно легендарный герой избавляет своих подданных от страха («*nullus inde metus est*» – Pan. Lat. X. 7. 7). Он, подобно знаменитому олимпийцу, умиротворитель земель («*Hercule pacatore terrarum*» – Pan. Lat. X. 11.

⁵ Ср. Plin. Ep. X. 52: *Diem, domine, quo servasti imperium, dum suscipis, quanta mereris laetitia celebravimus, precati deos ut te generi humano, cuius tutela et securitas salutis tuae innisa est, incolumem florentemque praestarent.* Auson. Grat. act. 3: *Nullus, inquam, imperator Auguste, quin admirandam speciem tuae venerationis incutiat: non palatium, quod tu, cum terribile acceperis, amabile praestitisti; non forum et basilicae olim negotiis plena, nunc votis pro tua salute susceptis (nam de sua cui non te imperante securitas?), non curia, honorificis modo laeta decretis, olim sollicitis maesta querimoniis; non publicum, in quo occursum gaudentium plurimorum neminem patitur solum gratulari; non domus commune secretum.*

⁶ О соотношении «*pudor*» и «*securitas*» императора см.: Rees 2001, 153–154.

⁷ Ср. SHA. Av. Cass. XII. 7–10: *Vivant igitur securi scientes sub Marco vivere. Vivant in patrimonio parentum pro parte donato, auro, argento, vestibus fruuntur. sint divites, sint securi, sint vagi et liberi et per ora omnium ubique populorum circumferant meae, circumferant vestrae pietatis exemplum. Nec magna haec est, p.c., clementia, veniam proscriptionum liberis et coniugibus dari: ego vero a vobis peto, ut conscios senatorii ordinis et equestris a caede, a proscriptione, a timore, ab infamia, ab invidia et postremo ab omni vindictis iniuria detisque hoc meis temporibus, ut in causa tyrannidis, qui in tumultu caecidit, probetur occisus.*

⁸ О взаимоотношениях сената и Траяна в контексте *securitas* см.: Instinsky 1952, 28–39.

⁹ Ср. SHA. Tyr. Trig. III. 6: *si quidem nimius amor erga Postumum omnium erat in Gallicanorum mente populorum, quod summotis omnibus Germanicis gentibus Romanum in pristinam securitatem revocasset imperium.*

б) и победитель разбойников («Herculemque Victorem» – Pan. Lat. X. 13. 4). В конце концов, Диоклетиан и Максимиан при покровительстве богов принесут безопасность всему миру («totius orbis securitate» – Pan. Lat. X. 14. 4).

В Pan. Lat. XI информация разделена на два тематических раздела: Благочестие (Pietas) и Счастье (Felicitas). Именно эти добродетели превозносятся в панегирике 291 г. Тем не менее безопасности там тоже нашлось место. Поскольку произведение посвящено тому же Максимиану, то вновь возникает сравнительный образ Геркулеса, который умиротворил все земли и леса («*terras omnes et nemora pacavit*»), а города освободил от жестоких правителей (Pan. Lat. XI. 3. 6)¹⁰. Благочестивый и успешный император наделен рвением в защите государства («*fouendae rei publicae studia conciliant*» – Pan. Lat. XI. 19. 4).

Главным героем Pan. Lat. VIII 297 г. стал цезарь Констанций I. Описывается его британская кампания против узурпатора Караузия и дается общая картина процветания империи при тетрархии. Органичным штрихом на данном историческом полотне является упоминание о том, что победоносный принцепс возвратил безопасность всем народам («*omnibus nationibus securitas restituta*» – Pan. Lat. VIII. 18. 4). Евсевий Памфил, указывая на веротерпимость Констанция по отношению к христианам, уточнил, что он умел в своей власти явить подданным источник спокойствия (Euseb. Vit. Const. I. 13: *μόνος δὲ Κωνσταντίος ἄλλων τοῖς ἀρχομένοις καὶ γαληνὴν παρασκευάσας τὴν ἀρχήν*). Евтропий, в свою очередь, сделал акцент на неприкосновенности богатств частных лиц. Автор «Бревиария» выгодно оттенил характер Констанция, далекого от «недоверчивого благоразумия Диоклетиана и кровожадной опрометчивости Максимиана» (Eutrop. X. 1. 2-3. Пер. Д.В. Кареева и Л.А. Самуткиной).

Благодарственная речь Евмения 298 г., хотя и построена вокруг темы восстановления риторической школы, возвращает нас к уже знакомым геракловым сравнениям. Аллюзии здесь более чем красноречивы. Говорится, в частности, о том, что спокойствие Муз должно защищаться Геркулесом («*Musarum quies defensione Herculis*» – Pan. Lat. IX. 7. 3). Под покровительством Юпитера и Геркулеса, т.е. Диоклетиана и Максимиана соответственно, наступает золотой век (Pan. Lat. IX. 18. 5).

Показательно, что энкомий Псевдо-Аристида «К царю», созданный не ранее III века, наделяет идеального правителя вполне определенными чертами, прорисованными в вышеозначенных речах. Он не трясется от страха за свою власть; его держава словно корабль, стоящий в полной безопасности на якоре; он освободил подданных от слезки со стороны соглядатаев; вернул им вольноречие; путники без опаски путешествуют, а граждане наслаждаются жизнью в городах (Ps.-Ael. Arist. Or. XXXV Keil. 10; 15 – *ἀσφαλεστάτω*; 21; 37 – *ἄδεια... ἀσφάλειαν*). Кстати, для самого Элия Аристида, современника Антонинов, Римская империя являлась идеальным государством, обеспечивающим общую и явную безопасность¹¹.

Следующие пять панегириков (Pan. Lat. VII, VI, V, XII, IV) объединяются фигурой Константина Великого и должны, хотя бы по этому признаку, рассматриваться в совокупности. Во-первых, в рамках данного блока речей, проводит-

¹⁰ На ауреях Максимиана изображен Геркулес, опирающийся на дубину (RIC. V. 342).

¹¹ «ἀλλ' εἰς ἀσφάλειαν ἐξαρκεῖ Ῥωμαίων εἶναι, μᾶλλον δὲ ἕνα τῶν ὑφ' ἡμῖν» (Ael. Arist. Laud. Rom. 100). «σαφῆς πᾶσι πάντων ἄδεια» (Ael. Arist. Laud. Rom. 104). См.: Данилов 2013а.

ся идея о феноменальной исключительности императора, его богоизбранности (Pan. Lat. VI. 7. 5). Только он может взять в свои руки бразды правления, удержать страну от разрушения (Pan. Lat. VII. 12. 7), защитить и спасти государство («omnium nostrum conservator» – Pan. Lat. V. 14. 4; VI. 21. 2). Он наполняет попутным ветром паруса общественных дел (Pan. Lat. VII. 9. 4). Во-вторых, возрождается парная идеологема «хорошего и плохого принцепсов». Идеальному Константину противопоставляется карикатурный образ Максенция. Сын благочестивого Констанция – красив, почителен, милосерден, целомудрен¹². В сфере внутренней безопасности его стоит благодарить за прекращение клеветнических обвинений, запрещение доносов, спасение невинно осужденных и наказание убийц (Pan. Lat. XII. 4. 3-4). При нем римляне отбрасывают свои страхи (Pan. Lat. VII. 13. 5), он оказывает помощь всем людям (Pan. Lat. V. 2. 2), особенно тем, кто терпит невзгоды (Pan. Lat. V. 7. 5). Его появление – это первый признак спасения («signum salutis» – Pan. Lat. V. 7. 6): от чрезмерного налогового гнета (Pan. Lat. V. 11. 3, 12. 4, 14. 3); от потери средств к существованию, чести и самой жизни (Pan. Lat. IV. 38. 5, XII. 7. 5). В-третьих, оригинальным образом доказывается, что граждане империи находятся в более выгодном положении, чем варвары. Мавры в деле своей защиты полагаются на неприступные горы (Pan. Lat. VII. 8. 6). Франки едва ли чувствуют себя в безопасности, населяя берега рек (Pan. Lat. VI. 11. 4, 13. 1). Римляне же защищены страхом врагов перед именем императора (Pan. Lat. VI. 11. 1)¹³. Последний считается надежным стражем государства («rei publicae custos»), поскольку его любят воины (Pan. Lat. VI. 16. 6), благодаря преданности которых принцепс сам находится в безопасности и доблестно сражается (Pan. Lat. IV. 19. 3-5, 26. 3). В официальных надписях Константин величается, среди прочего, как основатель вечной безопасности (CIL. VI. 1140 = ILS 692: «fundatori etiam securitatis aeternae»), защитник римской свободы и безопасности (CIL. III. 13734 = ILS 8938 = AE 1894. 111: «Romanae securitatis libertatis que vindicibus») или устроитель постоянной безопасности и свободы (CIL. VIII. 7005 = ILaIlg. II. 584: «Perpetuae securitatis ac libertatis auctori»).

В речи Клавдия Мамертина 362 г., произнесенной в адрес Юлиана II, можно увидеть привычную схему, относящуюся к интересующему нас сюжету. Вначале перечисляются всевозможные напасти, обрушившиеся на Римскую державу (Pan. Lat. III. 4. 1-3). Затем среди бедствий как спасительное светило («salutare ... sidus» – Pan. Lat. III. 2. 3) и защитник свободы (Pan. Lat. III. 6. 1, 30. 3-4) появляется соправитель Констанция II. Он повсюду восстанавливает порядок, облегчает положение налогоплательщиков, предотвращает голод, одновременно наполняя земли варваров ужасом (Pan. Lat. III. 7. 3, 8. 4, 9. 1, 14. 2; ср. Zos. III. 8. 1, 4; 9. 7; 10. 3). В итоге, император, вернувший людям добрые надежды и материальный достаток, заслуживает искреннюю любовь и уважение сограждан. Эти теплые чувства и являются тем щитом, который лучше всего избавит от опасности «величайшего» августа (Pan. Lat. III. 23. 4; 24. 1, 4; 32. 3). Либаний, между прочим, в своем жизнеописании называет Юлиана врагом нечестивцев и упоминает о его правлении как «поре безопасности» (ἀσφάλεια), объединяя в этом понятии возрождение почитания старых богов, расцвет красноречия и возвращение к римлянам отваги в

¹² Gr̄unewald 1990, 16 (pietas), 35 (felicitas), 71, 134 (clementia), 141 (providentia).

¹³ Подробнее см.: Данилов 2013б.

их борьбе с варварами (Liban. Aut. 119-120)¹⁴. С другой стороны, примерно те же признаки безопасного правления освещались антиохийским схолярхом при произнесении льстивых слов в адрес Констанция II и Константа (Liban. Orat. LIX. 1, 44, 90, 122, 158).

Наконец, Латин Пакад Дрепаний в хронологически завершающем панегирике 389 г. берет на вооружение ставшие классическими мотивы¹⁵. Обретенная при Флавии Феодосии *секуритас* раскрывается через следующие блага: свобода слова (Pan. Lat. II. 2. 4, 44. 3), неприкосновенность девичьей чести (Pan. Lat. II. 37. 4), обеспеченная преемственность власти (Pan. Lat. II. 45. 3). Сам же принцепс, как и следовало ожидать, находится в большей безопасности под охраной всенародной любви, чем в сопровождении вооруженного эскорта (Pan. Lat. II. 47. 3). В инскрипциях Феодосий фигурирует с эпитетом «истребитель тиранов и устроитель общественной безопасности» (CIL. VI. 36959 = AE. 1900. 99: «*extinctori tyranorum ac publicae securitati auctori*»). Его воинские заслуги заключаются в том, что варвары поражены страхом, наказаны и приведены к послушанию (Pan. Lat. II. 22). Символично, что на бронзовой монетной чеканке императора 388-392 гг. под надписью «SALVS REIPVBLICAE» персонифицированная Победа несет на плече трофей и тащит за волосы пленника (RIC. IX. 26b).

Мы наблюдаем, таким образом, что система «*loci communes*», а также содержательное наполнение латинских терминов, связанных с понятием «безопасность», обладали поразительной устойчивостью, даже несмотря на кардинальные социально-политические трансформации римского общества эпохи Империи. Среди наиболее важных укоренившихся топосов следует выделить следующие: принцепс оберегает обитаемый мир подобно Геркулесу; безопасность выступает как признак «золотого века» и увязывается со свободой; неприкосновенность августа покоится на любви к нему граждан; враги империи живут в постоянном страхе, так как на них не распространяется власть цезаря. Эти и другие образные формулы безопасного существования были частично задействованы такими авторами как Синезий Киренский и Эннодий Павийский¹⁶, определившими в немалой степени каноны панегирической прозы последующих столетий.

По количеству пассажей, затрагивающих проблемы внутренней и внешней безопасности, безусловно, лидирует речь Плиния, ставшая отправной точкой для рассматриваемого сборника. Из галльских панегириков в данном контексте, как видно из представленной ниже таблицы, важны также памятники 289 и 362 гг. Кроме того, не стоит забывать о том, что панегиристы выражали интересы крупной земельной аристократии, вполне резонно требовавшей от центральной власти проведения эффективной политики, способной предотвратить гражданские войны, народные восстания, выступления узурпаторов и варварские набеги¹⁷, т.е. вопросы безопасности в любом случае всплывали на повестке дня, пусть даже они и не считались во всех речах доминирующей темой. Отмечу также, что в речах намеренно не обсуждались религиозные коллизии, особенно характерные для IV

¹⁴ См. также: Данилов 2011.

¹⁵ Lippold 1968.

¹⁶ См.: Syn. De regno 6, 11, 13, 19, 24, 25; Ennod. Pan. Theod. 1, 2, 5, 8, 11, 14, 16, 22, 42, 56, 58, 59, 71, 83, 93.

¹⁷ Шабага 2016, 33.

века¹⁸, обращение к которым могло бы увеличить количество топосов, связанных с салус и securitas.

Таблица 1. Соотношение пассажей о безопасности в «Panegyrici Latini»

Год создания панегирика	Номер в рукописях	Автор	Лексемы для обозначения безопасного состояния	Количество пассажей о безопасности
100	I	Плиний Младший	incolumitas, salus, securitas, tutum	32
289	X	Аноним	salus, securitas	10
291	XI	Аноним	paco, foveo	2
297	VIII	Аноним	securitas	1
298	IX	Евмений	defenso	1
307	VII	Аноним	salus, defenso	4
310	VI	Аноним	cura, salus, securitas, tranquillitas	4
311	V	Аноним	salus, securitas	4
313	XII	Аноним	securitas, tutum	4
321	IV	Назарий	securitas, tutum	4
362	III	Клавдий Мамертин	salus	13
389	II	Латин Папат Дрепаний	custodia, securitas, tutum	5

ЛИТЕРАТУРА

- Ведешкин, М.А. 2016: Правовой статус язычников и языческих культов в Римской империи в IV–VI вв.: законодательство и практика. В кн.: *Император Юлиан. Полное собрание творений*. СПб., 749–791.
- Данилов, Е.С. 2011: «Бык Юлиана» как символ securitas publica. *ПИФК* 1, 23–31.
- Данилов, Е.С. 2013а: Трансформация политического грекоцентризма глазами Элия Аристида. В сб.: Т.М. Гавристова (ред.), *Кризис идентичности в мировой истории и культуре: сборник материалов региональной научной конференции. 11–12 апреля 2013 г.* Ярославль, 22–26.
- Данилов, Е.С. 2013б: Securitas римлян и tutum варваров. В сб.: В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.), *Цивилизация и варварство 2*. М., 107–115.
- Шабага, И.Ю. 2016: Сборник XII Panegyrici Latini как историко-литературный памятник. В кн.: *Латинские панегирики*. М., 11–35.
- Cattaneo, C. 2011: *Salus publica populi romani*. Forli.
- Gottschall, U.W. 1997: Securitas. In: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Band VIII. Zürich–München, 1090–1093.
- Grünwald Th. 1990: *Constantinus Maximus Augustus: Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung*. Stuttgart.
- Instinsky, H.U. 1952: *Sicherheit als politisches Problem des römischen Kaisertums*. Baden-Baden.
- Lippold, A. 1968: Herrscherideal und Traditionsverbundenheit im Panegyricus des Pacatus. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 17/2, 228–250.

¹⁸ См., в частности: Ведешкин 2016, 749–775.

- Rees, R. 2001: To Be and Not to Be: Pliny's Paradoxical Trajan. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 45, 149–168.
- Schrimm-Heins, A. 1990: *Gewifiheit und Sicherheit. Geschichte und Bedeutungswandel der Begriffe certitudo und securitas*. PhD diss. Bayreuth University.

REFERENCES

- Cattaneo, C. 2011: *Salus publica populi romani*. Forli.
- Danilov, E.S. 2011: «Byk Yuliana» kak simbol securitas publica [The «Taurus of Julian» as a Symbol of securitas publica]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 23–31.
- Danilov, E.S. 2013a: Transformatsiya politicheskogo grekotsentrizma glazami Eliya Aristida [Transformation of Political Hellenocentrism as Viewed by Aelius Aristides]. In: T.M. Gavristova (red.), *Krizis identichnosti v mirovoy istorii i kul'ture: sbornik materialov regional'noy nauchnoy konferentsii. 11–12 aprelya 2013 g.* [*Crisis of Identity in World History and Culture: Digest of Regional Scientific Conference. April 11–12, 2013*]. Yaroslavl, 22–26.
- Danilov, E.S. 2013b: Securitas rimlyan i tutum varvarov [Securitas of the Romans and Tutum of the Barbarians]. In: V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.), *Tsivilizatsiya i varvarstvo* [*The Civilization and Barbarity*] 2. Moscow, 107–115.
- Gottschall, U.W. 1997: Securitas. In: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Bd. VIII. Zürich, München, 1090–1093.
- Grünwald Th. 1990: *Constantinus Maximus Augustus: Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung*. Stuttgart.
- Instinsky, H.U. 1952: *Sicherheit als politisches Problem des römischen Kaisertums*. Baden-Baden.
- Lippold, A. 1968: Herrscherideal und Traditionsverbundenheit im Panegyricus des Pacatus. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 17/2, 228–250.
- Rees, R. 2001: To Be and Not to Be: Pliny's Paradoxical Trajan. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 45, 149–168.
- Schrimm-Heins, A. 1990: *Gewifiheit und Sicherheit. Geschichte und Bedeutungswandel der Begriffe certitudo und securitas*. PhD diss. Bayreuth University.
- Shabaga, I.Ju. 2016: Sbornik XII Panegyrici Latini kak istoriko-literaturnyy pamyatnik [XII Panegyrici Latini as a Literary Monument]. In: *Latinskie panegiriki* [*Latin Panegyrics*]. Moscow, 11–35.
- Vedeshkin, M.A. 2016: Pravovoy status yazychnikov i yazycheskikh kul'tov v Rimskoy imperii v IV–VI vv.: zakonodatel'stvo i praktika [Legal Status of Pagans and Pagan Cults in the Roman Empire in the 4–6th Centuries: Legislation and Practice]. In: *Imperator Julian. Polnoe sobranie tvorenij* [*Imperator Julian. Complete collection of Creations*]. Saint-Petersburg, 749–791.

SECURITAS IN PANEGYRICI LATINI

Evgeniy S. Danilov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia,
explorator@list.ru

Abstract. The collective consciousness of the Romans produced many abstract deities, allegoric creatures without any mythological definition; they were based on the belief that

---

everything in the world is permeated with the divine power; the Romans extracted special qualities from the general notion of this power and created special deities being personifications of abstract concepts. Many scholars think that the allegoric deities were empty rhetoric expressions of half-political and half-pantheistic religious phraseology. Moreover, while the first component has been studied quite well in works dedicated to the history of political culture, state ideology and propaganda, many aspects of the second one remain out-of-sight. In fact, abstract deities have not still been incorporated in the theoretical model of reconstructed Roman religion. Most specialists in the spiritual life of ancient societies confine themselves to listing of divine personifications or paying attention to a dozen of the most popular virtues (*Concordia, Felicitas, Honos, Iustitia, Libertas, Pax, Pietas, Providentia, Spes, Virtus*) and do not analyze hundreds of *numina*. Obviously, such a selective approach is largely determined by the condition of our sources. This article represents a part of the research project aimed at conceptual consolidation of evidence from narrative, numismatic, epigraphic sources concerning the worship of *Securitas*.

The twelve speeches of Roman orators of the 1st-4th centuries AD reflect the quirites' beliefs about security. Recurrent motives connected with *securitas* are found in the *Panegyricus Traiani* by Pliny the Younger and traced by the author to the eulogy for Theodosius written by Pacatus Drepanius. Their most important topoi are the following: the princeps guards the world like Hercules; security serves as a sign of the 'Golden Age' and is related to freedom; Augustus' immunity rests on the citizens' love to him; enemies of the Empire live in constant fear, since they are not covered by Caesar's power.

Key words: Ancient Rome, principate, propaganda, religion, panegyric, security

---
